

INSPIRIA

ДЖЕЙ ДЖЕЙ БОЛА

В переводе
Юлии Четвериковой

18+

В СВОБОДНОМ ПАДЕНИИ

Переведено. Проза для миллениалов

Джей Джей Бола

В свободном падении

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Бола Д.

В свободном падении / Д. Бола — «Эксмо»,
2021 — (Переведено. Проза для миллениалов)

ISBN 978-5-04-188795-7

Я уволился и взял все свои сбережения, а когда они закончатся, я покончу с собой. Майкл Кабонго – харизматичный тридцатилетний учитель. Он почти как Холден Колфилд, только ловит он своих учеников не в ржаном поле, а в лондонских трущобах, но тоже в каком-то смысле «над пропастью». Не в силах смотреть на несправедливости мира и жить, делая вид, что ничего не происходит, Майкл решает отправиться в путешествие по стране свободы – Соединенным Штатам Америки. Он проедет от Далласа до Сан-Франциско, встретит новых людей, закрутит мимолетный роман, ввяжется в несколько авантур – все это с расчетом, что, когда у него закончатся сбережения, он расстанется с жизнью. И когда его путешествие подойдет к концу, Майклу придется честно ответить самому себе: может быть, жизнь все-таки стоит того, чтобы ее жить? Главный герой этой книги ищет ответ на вопрос, который задал еще Шекспир: «Быть или не быть?» Можно ли уйти от себя, от своих чувств и своей жизни? Эта книга – размышление, поиск своего места в мире, где, казалось бы, нет тепла и понимания для потерянных, израненных душ. Но иногда, чтобы вернуться к себе, надо пройти долгий путь, в котором жизнь сама даст ответы и позволит залечить раны. Главное – быть готовым.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-188795-7

© Бола Д., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Часть I	7
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	26
Глава 8	31
Глава 9	36
Глава 10	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Джей Джей Бола В свободном падении

Тем, кто стал свободным и кто еще стремится

JJ Bola
THE SELFLESS ACT OF BREATHING

The Selfless Act of Breathing © by JJ Bola, 2021 By agreement with Pontas Literary & Film Agency

Дизайн обложки © Gustavo Faraon, Editora Dublinense

Перевод с английского *Юлии Четвериковой*

© Четверикова Ю., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. Издательство «Эксмо», 2023

Часть I

Memento Mori

Глава 1

Лондон, Аэропорт Хитроу, Терминал 2; 9.00

Я уволился и взял все свои сбережения – 9 021 доллар, а когда они закончатся, я покончу с собой. Вылет через час. Он вышел с большим запасом времени, чем нужно, но все оно куда-то растряслось: на неуверенность, страх, тревогу. Мимо снуют люди. Он стоит, высматривая на табло номер стойки регистрации. Мимо проходит светловолосая мать с ребенком на руках. За ними высокий мужчина: глаза прикрыты, в ушах наушники, волосы заплетены в дреды. При нем гитара, рюкзак, на ногах шаровары – вид такой, будто пускается в приключение на поиски себя. Мимо строем проплывают два пилота и квартет стюардесс, излучая сияние, будто путь для них освещен, а позади за ручку идут влюбленные в одинаковых вареных джинсах.

Он спешит в очередь. 9.15. Добирается до стойки и протягивает свой паспорт оттенка бургунди девушке за ней. Этот паспорт – его надежда, благословение, молитва – может спасти жизнь, изменить жизнь... даже отнять жизнь. Этот паспорт между красным и синим, сушей и морем, надеждой и отчаянием. *Паспорт... Без него не останется места, которое я смогу назвать своим д...*

– Доброе утро, сэр, – говорит девушка, сверкнув дежурной улыбкой. Он что-то бормочет, нетерпеливо постукивая пальцами по стойке.

– Куда летите, сэр?

– В Сан-Франциско.

Она стучит по клавиатуре без единой эмоции. Подзывает коллегу, которая за это время уже зарегистрировала троих. Они вдвоем усердно выискивают что-то на экране.

– Что происходит? – спрашивает он с неприкрытым возмущением.

– Прошу прощения, сэр, – говорит вторая девушка, ее яркий макияж – контурированный нос, помада оттенка бургунди – отвлекает. – Мы не видим вашу бронь.

– Не может быть! Я сам бронировал место, мое имя точно там. Майкл Кабонго. Мне нельзя пропустить самолет. Проверьте еще раз! – почти визжит он, размахивая руками и тыча в компьютер, привлекая к себе их внимание. Девушки смотрят на него, как бы не заметив истерики, затем друг на друга.

– Примите мои извинения, сэр, вы подошли не к той стойке регистрации. Вам нужно...

Стук сердца заглушает ее слова. Он смотрит в указанном ею направлении. Выхватывает паспорт. 9.20. Легкие сжимаются, дыхание становится чаще – Майкл бежит сквозь толпу. Ему жарко, несмотря на прохладу осеннего утра. Кожа под курткой кипит; шарф сдавливает горло. У него выступает пот. Он в конце длинной s-образной очереди. 9.22. Стоит, перекаtywаясь с пяток на носки с нетерпением ребенка, которому надо в туалет. Что-то бубнит под нос, из-за чего окружающие подозрительно косятся на него. Человек в начале очереди говорит громко, не по делу, пытается вести беседу, быть приятным, тратит время впустую.

– Поторапливайся, старикан! – кричит Майкл. Люди вокруг стоят с осуждающим видом, но притворяются, что не замечают его. *Я не могу пропустить полет!*

– Есть кто-то в очереди на самолет номер АО1К23 в международный аэропорт Сан-Франциско? – разносится по воздуху мужской голос.

Майкл бросается вперед, а следом и женщина в паре людей за ним; на лице у нее такое же, как у него, облегчение. Их пропускают вперед. Мужчина с русыми волосами за стойкой регистрации берет у него паспорт и вносит данные в компьютер.

– У вас есть багаж?

Он ставит рюкзак на весы.

– Путешествуете налегке? – спрашивает мужчина с улыбкой, на которую Майкл не отвечает.

– Вы успешно зарегистрированы, сэр. Но поторопитесь. Скоро начинается посадка. Пожалуйста, поспешите пройти досмотр охраны.

Майкл снова бежит. У охраны видит рой людей, словно столпившихся у входа на футбольный стадион. Он подпрыгивает, пытаясь найти, как пробраться вперед. Видит, как служащая аэропорта пропускает людей – по двое зараз.

– Прошу, – умоляет он, – у меня вылет в десять. Мне срочно нужно пройти!

Она проверяет его посадочный талон и сразу пропускает. 9.35. Посадка заканчивается за пятнадцать минут до взлета. *Осталось всего десять минут.* Ноги напрягаются, трясутся, руки сводит судорогой. Паспорт с талоном падают на пол, он возится, пытаясь их подобрать. Быстро стягивает куртку, шарф, ремень, рюкзак, вытряхивает все из карманов и кидает в контейнер.

9.39. Майкл проходит рамку металлоискателя, тот пищит. К нему подходит охранник, смотрит на его ноги, велит снять обувь и пройти снова. Он возвращается и пытается распутать обвязанные вокруг лодыжки шнурки, перекрутившиеся и обвившие ногу, как лоза дерево. Он справляется с ними и спешит к металлоискателям. Охранник машет, чтобы он проходил. Он собирает свои пожитки и снова бежит и бежит, как всегда. Выход 13. 9.43.

9.44 Майкл проносится по зоне дьюти-фри, топя так, что следы могут остаться. 9.45. Впереди он уже видит выход 13. 9.46. Он прибегает к выходу. Никого. Он падает на колени, запыхавшись. Ну и хрень! Может, всего этого не должно было случиться.

В перерывах между его ругательствами из-за стойки появляется девушка, словно ангел-хранитель, и умиряет его причитания.

– Ваш посадочный талон, сэр.

Майкл протягивает его и хватается за грудь.

– Вы как раз вовремя, сэр. Отдышитесь и проходите.

– Спасибо, – отвечает он, переполняясь благодарностью.

Майкл входит в самолет, где его встречают улыбчивые лица стюардов и стюардесс. Он улыбается им в ответ. Это должно было случиться. Он проходит мимо пассажиров бизнес-класса, которые даже взгляда на него не поднимают, в экономкласс на свое место у окна. Садится рядом с мужчиной, чье брюхо не дает застегнуть ремень безопасности, и женщиной, которая уже клюет носом от принятого снотворного. Он обмякает в кресле, спокойствие растекается по телу, вдали над горизонтом висит солнце. Так начинается конец.

Глава 2

Академия Грейс Харт, Лондон; 10.45

– Спокойно, спокойно. – Класс затихает, раздаётся ещё пара возбуждённых голосов.

– Осталось пятнадцать минут. Если не закончили, обеденную перемену проведёте со мной, будете разбирать мою коллекцию марок. – Одиннадцатиклассники застонали.

Лучи осеннего солнца падали сквозь окна, а я наблюдал, как студенты пишут, склонив головы над тетрадками. Все, кроме одного – Дуэйна. Чего и стоило ожидать. В классе он в лучшем случае просто смотрел в окно. Иногда, если повезет, мог ответить на вопрос. А в худшем случае о нём гудела вся школа и порой даже полиция. Дуэйн сидел на задней парте, в углу, боком к парте, откинув голову на стену, бороздя взглядом мир за окном.

– Пора собираться. – Они зашуршали сумками, складывая в них учебники. Раздался пикающий звонок. Особо шустрые попытались проскочить через дверь, но я закричал: – Звонок не для вас, он для учителя! – чтобы остановить их. И прибавил: – Свободны. – Школьники высыпали из кабинета, радостные и счастливые. Дуэйн плелся позади последним.

– До встречи, Дуэйн. – Он кивнул, не мне, но хотя бы кивнул. Я вытащил телефон из кармана куртки, перекинутой через спинку стула, и написал Сандре.

Эй, рабочая женушка, где ты?

Я занята, на футбольном поле. Даже не поела сегодня... – ответила Сандра.

Это ты так приглашаешь меня пообедать?

Мой рабочий муженек уже знал бы ответ на этот вопрос.

– Сэндвич с тунцом? Серьезно? Это все, что ты принес мне? – спросила она, когда мы встретились на площадке у школы.

– С тунцом и сладкой кукурузой, вообще-то, – ответил я в шуме резвящейся детворы. И прибавил: – С майонезом.

Она выхватила сэндвич у меня из рук.

– Ничего... с какими-то специями?

– Вспомни, где мы. Какие тут специи?

– Эмм, по идее ты должен готовить и приносить мне еду. – Она выставила ладонь, как будто спрашивая, почему это я не сделал этого сегодня, да и вообще когда-либо. – Ну, как трудолюбивый рабочий муж, – добавила она.

– Пусть твой парень этим занимается...

– Да неужели? – фыркнула она.

– К тому же, думаю, ты все неправильно поняла. – Я растянул губы в тонкой улыбке. – Что-то не выходит у нас ничего с рабочим браком. Надо бы с тобой развестись. Отсудить половину денег...

– Ничегошеньки тебе не достанется, я на мели, деточкаааа...

– Добрый день, сэр. – Наш разговор прервал чей-то бодрый голос. Он приближался к нам сзади. Я знал, кому он принадлежит. Мы оба знали. И оба цепенели от него.

– Спорим, она велит нам отодвинуться друг от друга? – шепнула Сандра.

– Добрый день, миссис Сандермейер, – ответили мы хором; мой бас и ее тенор прозвучали в гармонии. Миссис Сандермейер была завучем. Она деловито носилась по школе в

деловом костюме, деловито забравшись по грязной карьерной лестнице и зубами вырвав себе это положение. В дни без дресс-кода она всегда приходила в футболке «Who Run the World? Girls!»¹ и при любой возможности напоминала всем, что ее муж «сидит дома и смотрит за детьми».

– Ну, и как вам вид? – спросила миссис Сандермейер, хотя уже знала ответ. Она всегда задавала только те вопросы, на которые знала ответ.

– Нравится, – ответила Сандра и, не зная, что еще сказать, покивала, чтобы заполнить пустоту. Я тоже кивнул.

– Прекрасно, – взвизгнула миссис Сандермейер; она всегда визжала, выражая удовлетворение. Затем наклонилась ближе и сказала: – Вы не будете против разойтись по разным сторонам площадки, чтобы дети вас видели? Спасибо.

– Конечно, – ответила Сандра и, удаляясь на другую сторону площадки, бросила на меня взгляд, явно означающий: «Ну, что я говорила?» Прозвенел звонок.

* * *

– Нам надо сосредоточиться на наших целях; мы работаем, чтобы менять жизни этих молодых ребят. Чтобы они обрели жизненные навыки, с которыми смогут взять под контроль свое будущее... – вещала миссис Сандермейер с подиума на планерке после уроков. Ее голос растворялся в окружающем шуме, а я вертел головой по сторонам и смотрел, как все энергично кивают и что-то записывают.

– У нашей школы есть потенциал стать лучшей в боро, даже в целом городе. Мы на пути становления выдающимся учебным заведением; ваши преданность и упорство помогут нам достичь этого. – Она была прямо как министр – смесь учителя, священника и политика. Но меня совсем не убеждала, я сидел, гадая, вдруг другие находят в ее словах то, чего не слышу я; чего не слышал уже тысячу раз до этого. И все равно я надеялся, что поступаю правильно, делаю большое дело, хотя оно казалось таким все меньше и меньше. Рядом сидел мистер Барнс в рубашке с расстегнутым воротом и ослабленном галстук, наклонившись вперед, будто его тянуло туда непреодолимой силой. Мистер Барнс. Я всегда называл его мистером Барнсом и никогда по имени. Есть четкая граница между коллегой и приятелем, и никто не знает, когда, где и как она стирается. Я предпочитал держать ее в ясном, видимом состоянии, так что, если граница вдруг начинала выцветать и размываться, тут же проводил ее заново: мистер Барнс. На мое обращение он неизменно отвечал: «Это я, а еще моя родина». То же самое он повторял ученикам. Тем не менее я ему симпатизировал, ну, вроде того. Восхищался его прямоотой, умением оставаться собой, даже несмотря на то, как поразительно тупо это может быть.

После собрания я вернулся в класс, уставился на проплывающие низко в небе тучи. Из треснутого неба пролился легкий дождь, оставляя дорожки на оконном стекле. Лондон, должно быть, единственный в мире город, где все времена года можно застать за день. Очень удручающе. Ветер дул на ветви то справа, то слева, размахивая ими из стороны в сторону, словно в приветствии невидимому богу. Я включил классическую музыку под это настроение и стал дальше проставлять оценки. Вдруг на мои плечи легли чьи-то руки, и я опешил, но тут с меня спало напряжение, о котором я и не знал.

– А, это ты.

– Уже полседьмого, а ты все здесь. Не видел, как я вошла? – спросила Сандра.

– Нет.

– Ты как будто был в своем собственном мире. Что слушаешь? – Она сняла с меня наушники и надела себе. Ее лицо тут же сморщилось, изобразив замешательство.

¹ «Кто в мире главный? Девушки!» (англ.) – цитата из песни Бейонсе Run the World (Girls) 2011 года. – Прим. пер.

– Фредерик Шопен.

– Ты такой чудак. А нельзя слушать нормальную музыку, как нормальные люди?

– Шопен, Прелюдия в ми-бемоль, опус 28. Номер 20 – это нормальная музыка...это круто.

– М-да. Ты еще долго здесь?

– Нет, готов идти в любой момент.

В школе было тихо, мирно и спокойно. Она как будто задремала и теперь видела мирные сны о будущем, лежа на боку, сложив ладони под щеку и поджав к себе колени. В вестибюле на ресепшене стояли завсегдатаи пабов: учителя, кто с религиозным рвением пил в местном заведении лишь для того, чтобы целый день потом жаловаться на похмелье. По крайней мере, это давало им хоть какой-то повод для разговора в неловкой обстановке рабочей кухни, за ожиданием протяжного гудка микроволновки.

Кэмерон, физрук, который постоянно носил шорты – даже на собеседование в них пришел, – первым заметил нас, когда мы вошли в корпус подготовишек. Я взглянул на Сандру – она едва сдерживала немой крик. Мы подошли к нему с диким желанием съездиться и исчезнуть.

– Куда это вы двое направляетесь? – спросил Кэмерон с намеком. Вечно он намекал на что-то неприличное.

– Домой, – ответил я. Кэмерон многозначительно поднял брови. – Я иду к себе домой, – добавил я, отмечая двусмысленность.

– Ладно, увидимся.

– Он так раздражает, – сказала мне на ухо Сандра, когда мы отошли.

Закатное солнце принесло пронизывающий до костей ветер. Фонарные столбы тянулись вверх, словно огромные поникшие цветы; их тусклые лампы едва освещали дорогу перед нами. В совместном молчании мы шли через небольшой парк с пожухлой травой, краснокирпичными арками и железными скамейками, где бездомные, одиночки и просто гуляющие собирались и опрокидывали содержимое пивных банок в недра своих тел. Мы шли вдоль аллеи, мимо призрачных фигур в капюшонах и многоэтажных кварталов, в ловушках которых гибли тысячи мечт; мимо тюремных решеток окон; мимо паба и курильщиков, смотрящих с вызовом, осмелишься ли зайти; мимо забегаловки, у забегаловки, через дорогу от забегаловки; мимо хипстерского кафе с блюдами из авокадо и пряной тыквы; мимо фанатика с Библией на углу, жаждущего спасти души прохожих; мимо автобусной остановки, где уставшие тела сидели в ожидании, когда их боги заберут их домой, и где стоял мужчина, который каждый день между 15.30 и 19.30 кричал: «Удачи вам! Удачи вам!» – всем и в то же время никому; мимо светофоров на перекрестках, где машины почти всегда проезжали на красный; к глотке станции метро, которая тихо шептала колыбельную или песню, зовя нас домой.

– Вот и вечер пятницы. Что будешь делать? Тусить в городе? – спросила Сандра. Посмотрела на меня: глаза ее округлились, а зрачки расширились, словно навстречу яркому свету.

– Я иду домой, – ответил я, понимая, что ей хотелось услышать совсем не это.

– Ясно. Тогда хороших выходных, – произнесла она с досадой, уходя в себя.

Воздух наполнился густым напряжением, словно дымом от лесного пожара. Я обнял ее и ушел.

Глава 3

Жилой комплекс Пекривер, Лондон; 8.15

Я глубоко вдохнул и открыл дверь. Было темно и тихо, только лунный свет проникал сквозь окно в коридоре. Я прошел в свою комнату и рухнул на кровать, подобно мешку кирпичей с большой высоты. Плечи напряглись, словно их стиснули два огромных зажима. Я лежал, смотря в потолок и плавая где-то меж грез и сновидений, меж колыбельных и песен, между настоящим и будущим.

– Я так устал, – простонал я. Закрыв глаза и увидел в темноте искры света, рассыпанные по комнате, созвездие светлячков; мерцание Пояса Ориона и Кассиопеи. Меня позвали: крик вибрацией пронзил тело и отозвался эхом в комнате.

– Да, мам, – прорычал я. Она постучала и вошла.

– Tu dors?² – прошептала она. Я молчал, только кивнул в ответ и притворился, что засыпаю. На секунду она застыла, затем вышла из комнаты. Я медленно поднялся и сел за стол в углу. Свет не включил, пусть луна освещает мне путь. Я чувствовал свинцовую тяжесть, словно тонул в пахучем застойном бассейне. На столе, ворвавшись во всепоглощающую тьму, загорелся экран телефона.

Чем ты сегодня занят? Мы идем пить. Подтягивайся.

Эй, так что ты там делаешь?

Ладно. Ну и молчи. Оставь в непрочитанных...

У тебя все ок? Ты не пишешь.

Бро, мне нужна твоя помощь.

Сообщения хлынули потоком. После каждого меня затягивало все больше и больше, я тонул. Взял телефон и выключил, затем потянулся к упаковке сидра, который купил по дороге домой. Всего одну. Потом еще одну. Я сидел в уютной темноте, она сжимала меня, как властная любовница.

Приехал я поздно, но хотя бы приехал. У входа меня живо поприветствовали какие-то новые люди, будто я случайный прохожий. Я сел на стул в заднем ряду, за скамейками. Пастор Батист стоял у алтаря и смотрел вверх, будто между ним и небом не было потолка. Музыканты играли: напоминающий Фила Коллинза³ барабанщик в отдельной будке; пианист, качающий головой из стороны в сторону, как Стиви Уандер⁴; электрогитарист с расплывчатыми рифами Джими Хендрикса⁵; акустический гитарист, бьющий по струнам с чувством, как Рей ЛаМонтейн⁶. Они аккомпанировали юному хору сестры Делорис, как я ее называл, потому что реальное ее имя всегда от меня ускользало. Ее исполнение «Oh Happy Day»⁷ как минимум

² Спишь? (фр.) – Прим. пер.

³ Фил Коллинз (Phil Collins) – английский рок/поп-певец, барабанщик и автор песен, актер, продюсер.

⁴ Стиви Уандер (Stevie Wonder) – американский соул-певец, композитор, пианист, барабанщик, харпер, музыкальный продюсер и общественный деятель, оказавший огромное влияние на развитие музыки XX века, страдающий слепотой. 25-кратный лауреат премии «Грэмми».

⁵ Джими Хендрикс (Jimi Hendrix) – американский гитарист-виртуоз, певец и композитор. В 2009 году журнал «Time» назвал Хендрикса величайшим гитаристом всех времен.

⁶ Рей ЛаМонтейн (Ray LaMontagne) – американский певец, автор песен и музыкант.

⁷ Песня в стиле госпел, аранжированная Эдвином Хокинсом и исполненная в 1967 году его группой «Edwin Hawkins

напрягало, а как максимум вполне могло быть репетицией к третьей части фильма «Действуй, сестра»⁸. Я увидел маму в первом ряду, со сложенными в молитве руками. Она хлопала в такт музыке. Пастор Батист медленно поднял микрофон. Он говорил мягко и протяжно, но с уверенными басовыми нотками в голосе.

– Сегодня мы будем читать «Послание к Римлянам», глава десятая, строфы девять и десять. Начнем чтение во имя Отца, Сына и Святого духа. «Ибо если устами твоими будешь исповедовать Иисуса Господом и сердцем твоим верить, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься, потому что сердцем веруют к праведности, а устами исповедуют ко спасению».

Пастор Батист закончил чтение и закрыл Библию. Паства ждала. Все в помещении замерли, затаились, а я наблюдал за ними, как чужак.

– Семья, позвольте рассказать о случае, когда Господь спас меня... Те из вас, с кем мы знакомы хорошо, знают, что я был тот еще хулиган. Заблудшая душа на службе своего эго, алчности и примитивным потребностям. Мой путь к вере был не без препятствий, семья, но промысла Божьего без них не бывает.

– Аминь, – послышался чей-то голос, остальные тут же подхватили.

– Но те, кто служит Господу в этом мире, да будут награждены изобилием в мире ином. Так было обещано.

– Аминь! – воскликнула паства.

Пастор Батист продолжил:

– Был прохладный осенний вечер, возможно, даже ночь. Помню только, что давно стемнело, и ветер завывал, подобно дикому зверю. Я сидел посреди холодной аллеи, прислонившись к фонарному столбу, в агонии и отчаянии. Секс, алкоголь, наркотики, долги, драки – что угодно, все это было в моей жизни. И тогда я услышал голос, очень четкий и ясный. Он прорезал окружающий шум, как алмаз прорезает стекло. Не могу сказать, что поведал этот голос, но я услышал его и внял ему. Понял, что не могу дальше идти по такому пути, иначе умру.

Семья, как часто бывает так, что мы видим верный путь, но не следуем ему. И так продолжается до тех пор, пока мы не достигнем дна, от которого сможем оттолкнуться. Но помните, что Господь всегда помнит о вас, свет его следует за вами, где бы вы ни были, куда бы вы ни пошли.

Воздух взорвался неистовыми аплодисментами и улюлюканьем; яркое солнце пробивалось сквозь витражные окна, цветные лучи падали на прихожан.

Я ждал на улице, пока толпа медленно перетекала в боковую комнату, чтобы поболтать, а точнее, посплетничать за чашечкой чая с печеньем. Притворился, будто сижу в телефоне, чтобы избежать лишних взглядов и ненужных бесед, правда листание ленты соцсетей не сильно спасало, пришлось все-таки поднять глаза; нервы напрягаются, когда видишь, что значок заряда стал красным, и ты понимаешь, что заговорить с кем-то все же придется.

Мами не знала, что я приду. Хотел удивить ее, хотел, чтобы она подумала, будто я пришел по доброй воле. Она была прихожанкой этой церкви уже несколько лет, походив по разным и наконец остепенившись. Найти хорошую церковь все равно что найти спортивную команду, за которую будешь болеть: надо верить, что игрокам все это нравится не меньше, чем тебе. Мами этого не говорила, но мне казалось, что эта причина весит ничуть не меньше, чем все, что она назвала – хор, музыка, проповедь, – и те, что назвал бы я, – еда. Я был рад тому, что она нашла в конце концов место, где вполне неплохо устроилась неофициальным приходским советником. Она готова была помочь любому: по телефону и лично. Поэтому люди тянулись к ней.

Мами стояла у входа с группой, которая уже собралась расходиться. Я подошел к ней посреди разговора и похлопал по плечу. Она повернулась и ахнула. Я удивился: неужели так

Singers».

⁸ «Действуй, сестра» – американская комедия Эмиля Ардолино 1992 года с Вупи Голдберг в главной роли.

давно не был в церкви? Интересно. Даже забыл, сколько раз она спрашивала, приду ли я на службу. Я всегда ухитрялся отказаться, не отказывая напрямую. А она потом целую неделю со мной не разговаривала и смотрела так, будто я ей не единственный сын и меня всегда можно заменить тем, кто не будет ее разочаровывать. Может быть, так она показывала, что ей не все равно.

Она радостно вскрикнула, от неожиданности кто-то из прихожан обернулся.

– Это мой сын.

Некоторые женщины посмотрели на меня с любопытством, несколько мужчин одобрительно кивнули. Мама взяла меня за руку и повела через всю залу к пастору Батисту, стоявшему в окружении людей, которые присосались к нему, пили его, словно лошади на водопое.

– Пастор, познакомьтесь с моим сыном.

– Здравствуйте, мы, кажется, виделись, – сказал я, вспомнив, как Мама в прошлый раз точно так же потащила меня с ним знакомиться.

– Да благослови тебя бог, брат мой. Очень рад познакомиться.

– Вы интересно рассказываете.

– О, это не я говорю, это Он, – он поднял голову вверх, – говорит через меня.

Я тоже поднял голову, не совсем понимая, что должен был там увидеть.

Попрощался с Мамой; мы обняли друг друга и разошлись. Я обернулся: пастор шел с ней, нежно сжимая ее ладони своими. Я ушел, зная, что по крайней мере сэкономил себе немного времени. Зная, что меня не будут спрашивать, хожу ли я в церковь, молюсь ли, переживаю ли, что отправлюсь в ад, хочу ли спасти свою душу, то есть обо всем, что меня никак не заботит. На главной улице я достал телефон.

– Эй, привет. Я закончил, могу зайти?

Глава 4

Международный аэропорт Сан-Франциско, Калифорния; 13.15

Ярко-голубая вода плещется у зданий, похожих на вытянувшиеся пальцы. Солнце отражается от поверхности, рассыпаясь золотыми искорками. На маленьком сером мосту крошечные автомобили подгоняют друг друга, а вдалеке виднеются неприкаянные ярко-красные башни другого моста. *Многие встретили здесь свою судьбу, Мост, но моя ждет в другом месте; судьба та же, но путь иной.* Самолет снижается к посадочной полосе и мягко опускается на землю, подобно осеннему листочку.

– Добро пожаловать в международный аэропорт Сан-Франциско, – произносит голос. На сердце у Майкла становится легче: он знает, зачем приехал. Он надевает длинный черный пуховик и взваливает на спину рюкзак. Идет к выходу, где его накрывает волной голосов с акцентом, словно кто-то включил одновременно все знакомые ему телепрограммы. *Кажется, будто я оказался в чужой жизни, но в то же время она моя.* Он шагает вперед, его обдает жарким воздухом; на лбу выступает пот.

– Такси! – кричит Майкл, подзывая машину. Кидает рюкзак на заднее сиденье и сам разваливается рядом.

– Куда тебе, друг? – спрашивает таксист, смотря на него в зеркало заднего вида. У него сильный, почти утрированный калифорнийский акцент, словно он выучился ему до того, как приехать сюда.

– Секунду, мне надо проверить адрес, – отвечает Майкл, лицо водителя расслабляется.

– Откуда ты? – спрашивает таксист.

Майкл роется в рюкзаке в поисках блокнота.

– Из Лондона.

Я не откуда-то там.

– Из Лондона! – повторяет таксист.

Майкл находит блокнот, вырывает страницу с адресом и протягивает на переднее сиденье.

– Да.

– «Как поживаете, сэр?» – смеется таксист. – Вы пили чай с королевой? – спрашивает он, Майкл смеется в ответ, через силу.

Я слышал об этом явлении, об этой очарованности Британией, об американцах, которые спрашивают британских туристов, пили ли они чай с королевой. Интересно, где проходило бы такое чаепитие. В Букингемском дворце, где я не был с нашей семейной поездки и который считал скорее музеем, нежели чьим-то домом. Или в кафе? Возможно, в Кенсингтоне, в местечке с двенадцатью видами сыра на витрине. Точно не в сетевом заведении; осознавая статус, я бы освободил ее от необходимости отвечать: «Королева», – на вопрос, что написать на стаканчике, и слышать окрик: «Королева!» – на все кафе, когда заказ будет готов. Представляю, как она произносит:

– Ах, какая неловкость.

А я отвечаю:

– Вы королева, как вы можете смущаться?

Мы гогочем, потягивая пряное что-то с чем-то там. Или в кафешку попроще, без французского пафоса и людей, которые приходят с ноутбуками и в наушниках, чтобы «писать». Или в столовую где-нибудь в Финсбери Парк, со строителями в светоотражающих жилетах с разложенными перед ними газетами, оставленными на полу касками и в темных ботинках с

металлическими носками. Когда бы мы зашли, они сказали бы: «Доброго денечка, вашество». И совершенно проигнорировали бы меня.

– Нет, я не пил чай с королевой, – отвечает Майкл. Таксист смеется.

Они проезжают город; дом за домом, выстроенные в аккуратные линии, ряд за рядом, словно детали лего. Снаружи удивительно ясно; возможно, здесь светит какое-то другое солнце. Все такое кристально четкое, очищенное. Майкл слушает непрерывную болтовню таксиста, лишь изредка говоря «ага» или «правда?», чтобы поддержать беседу.

– Вот и приехали. – Таксист тормозит у бордюра и ставит счетчик на паузу. – Выходит сорок долларов.

Майкл вытаскивает из кармана банкноты, похожие на деньги из «Монополии», и отдает. Таксист желает ему всего хорошего и говорит:

– Только не теряй здесь голову... или теряй! – и сам же над этим смеется.

Я на месте.

Майкл отправляет сообщение, стоя в демонстративном ожидании у дверей двух магазинов.

– Привет! – раздается за его спиной. Он оборачивается и видит женщину. Выглядит она точно как и звучит: энергичная, активная, любящая жизнь, как будто есть ради чего ее жить, только он не в курсе.

Она протягивает руку и представляется, но Майкл даже не пытается запомнить имя. Зачем вообще запоминать чьи-то имена? В другой руке у нее большой одноразовый стакан из сетевого кафе (с французским пафосом) и звонкая связка ключей. Он пожимает ей руку.

– Идемте за мной.

Она ведет, он идет следом, его шаг равен трем ее. Они входят в многоквартирный дом. В ее рыже-русой шевелюре мелькают светлые пряди, на ней рваные джинсы с потертостями. Они говорят о погоде, что он и не представлял, насколько здесь тепло. Женщина рассказывает о засухе в Калифорнии, о том, что дождь совсем не помешает. Он говорит, что в Лондоне дождь идет постоянно, и она предлагает махнуть по погодой на день, а Майкл предлагает на целую неделю, в итоге оба соглашаются, что это невыполнимо; в основном потому, что жители обоих городов быстро начнут жаловаться на погоду.

– Вот мы и пришли.

Они входят в квартиру. Просторная студия, очень богемная – картины существ с гипертрофированными конечностями – и креативная – подсолнухи стоят в вазах из переработанного стекла.

– А это ваши ключи. – Доверившись его рефлексам, она подкидывает их, и он тут же их ловит. – Располагайтесь, почувствуйте себя как дома. Я буду время от времени заглядывать за кое-какими вещами, но всегда по предварительному звонку, чтобы и вам было удобно.

Майкл выходит из квартиры в футболке. Солнце слепит глаза, мешая четко видеть вокруг. Его тепло отдается электрическим покалыванием в коже. Дыхание спокойное и размеренное. *Вот что значит быть живым – быть где-то еще, не там, где я уже был; быть в моменте, здесь и сейчас.*

Он выходит на проезжую часть, глядя направо, переходит улицу, но тут ему сигналист машина – дважды, громко, едва не наехав на него. Майкл недовольно взмахивает руками, как бы говоря: «Ты чуть не убил меня, придурок!» – но понимает, что смотрел не в ту сторону. Даже такое простое действие, как перейти дорогу, потеряло свой автоматизм, но так всегда: что-то теряешь, что-то находишь. Другая сторона улицы слишком далеко, чтобы перейти; он

вспоминает, что дома такие трехполосные дороги встречаются только на шоссе. Дома. Это слово эхом отзывается в нем: дома, дома, дома.

Майкл заходит в магазин, где его встречают дежурные улыбки сотрудников.

– Добрый день, сэр. Добро пожаловать в «Таргет»⁹, – пропевает одна задорным высоким голосом. Он наклоняет голову и видит миниатюрную, едва ли полтора метра ростом, девушку с темными волосами медного оттенка. Как будто он видел ее раньше или хотел увидеть: в клипе или журнале, одетую по высокой моде, а не в чиносы цвета хаки и тускло-красную футболку, как сейчас. Он воображает, что она работает где-то в другом месте, живет другой жизнью.

– Привет, – отвечает Майкл бездыханно. Девушка улыбается, а он проходит в отдел электроники с огромными телевизорами, на экранах которых счастливые люди демонстрируют один за другим товары магазина; затем идет к секции одежды с камуфляжными брюками, джинсами клеш и футболками всех форм и размеров – от маленьких до непомерно больших.

Он вымотан; ноги горят, словно он ходил по раскаленному песку. В поясице стреляет. Он хочет присесть. Оглядывается. Вокруг лишь пол. Майкл берет коробку печенья с шоколадом, зеленый чай, бананы и еще кое-что.

– Как ваше настроение, сэр? – бодро спрашивает девушка-кассир.

– Спасибо, неплохо, – отвечает Майкл и ставит продукты на ленту. У нее оливковая кожа, высокие скулы; черты округлого лица смягчаются и расслабляются. Сканер пищит.

– Это все ваши покупки? – спрашивает она, наклонившись и заглядывая ему в рот.

– Я же не хочу лишиться всех денег зараз, – нервно смеется он.

– Все в порядке, – отвечает девушка, уже не просто смотря, а пялясь. – Чай неплох, но я больше по кофе. – Это было произнесено так, будто он должен принять это во внимание.

– Кто-то любит чай, кому-то нравится кофе, – отвечает Майкл. Она вежливо улыбается.

– С вас девятнадцать долларов. – Он тянется за двадцаткой в карман и протягивает ей. Она дает сдачу: хрустящий доллар, который тут же отправляется в кошелек.

– Приятного дня, – говорит она.

Он улыбается в ответ. Складывает продукты в сумку и направляется к выходу. Два охранника, все в черном – отполированные ботинки, носки, боевые чиносы с наружными карманами – следят за ним сурово, с подозрением. Майкл вспоминает, как ходил в супермаркет с Сандрой после работы: белая клетчатая рубашка, красный галстук в горошек, брюки со стрелками, броги – охранник, бродивший за ними по рядам, был пусть и забавным, но сбивающим с толку явлением. Он усмехнулся, охранник понял, что его раскрыли, и тут же отправился в другом направлении. Майкл все еще помнит ответ Сандры: «Ты себя накручиваешь». Помнит саму Сандру. Он вспомнил о ней впервые с отъезда. Порой легче забыть, чем излечиться. Воспоминание ложится в голове тяжким бременем, и он отбрасывает его, задерживая штормы вне своего сознания.

Майкл идет медленно, нервно и через несколько шагов выходит из магазина. Оглядывается на охранников. Они все еще смотрят, пялятся; кажется, некоторые вещи не зависят от страны.

\$8806

⁹ Сеть магазинов розничной торговли в США.

Глава 5

Эмбаркадеро, Сан-Франциско, Калифорния; 12.50

Сан-Франциско – город вещей: зданий и памятников, совершенно отличных друг от друга. Вещей: больших зеленых деревьев, стоящих вперемежку с фонарными столбами. Вещей: холмов и равнин, и холмов, и равнин. Вещей: ярких, красочных картин на полу и на стенах, на каких-то недостижимых поверхностях. Вещей: поэзии и музыки, еды и напитков, радости и скорби. Вещей: стремительного потока людей, миллиона рассказанных историй.

13.00. Майкл идет в окружении людей, как будто неуверенных в смысле своих действий. Белые рубашки, скучные галстуки, серые брюки, черные ботинки – как под копирку, каждый встречный ничем не отличается от предыдущего. Он вдруг чувствует, понимает, что жизни всех этих людей столь же сложны, как его собственная. Впереди высокое здание, нечто между ракетой и пирамидой с острым навершием, стоящее в ряду других домов. Есть в нем что-то особенное – какая-то тайна, словно здание – это он сам.

Майкл вырывается из толпы клерков, спешащих с обеда, и поворачивает налево. Поднимает голову и видит дорогу, которая уходит вверх и вверх, выравнивается ненадолго, а потом снова вверх и вверх, выше и выше, словно ее создатель предусмотрел небольшие передышки. Майкл видит в этом вызов: теперь он обязан добраться до верха. Шаг за шагом он начинает восхождение.

У неба, кажется, перепады настроения: яркая синева местами прячется за тучами, солнечный свет заигрывает с дождем. Все ведет к небу, наверх: припаркованные машины, деревья, фонарные столбы. Он идет, приближаясь к высшей точке, мимо чарующих ароматов кафе, мимо сине-зеленого здания на углу, ряда невысоких деревьев напротив большого дерева по другую сторону улицы, мимо большой фуры и стоящих рядом рабочих. Он смотрит за движением их губ, пытаясь угадать, что те произносят и смеют ли они говорить те же вещи, что и у себя дома, у домов с перилами и боковыми пожарными лестницами. Мимо со свистом проносится мотоцикл, оставляя вибрацию в воздухе. В асфальте, посреди улицы, Майкл замечает круглый люк и воображает, как из него выскакивают черепашки-ниндзя и мчатся кому-то на помощь. «Мы не жалкие букашки, суперниндзя Черепашки!» – играет в голове песня из мультфильма. Он проходит мимо пары – мужчина и женщина в возрасте, оба в брюках хаки, с поношенными кожаными сумками, делают снимки на свои громоздкие щелкающие камеры. «Туристы», – усмехается Майкл, но вспоминает, что сам он тоже... вроде туриста. На асфальте, рядом с безупречно белым ботинком мужчины, истертая позолоченная гравировка «Джек Керуак», а сверху надпись – заключенные в кольцо строки из его стихотворения. Он поднимает взгляд, рядом с зелено-голубым пейзажем на стене красуется черно-желтая вывеска «Книги Сити-Лайтс». Майкл входит в магазин.

«Книжный магазин – это сад вашего разума, где цветы не рвут, а выращивают: если любишь что-то, не выдергивай из земли, чтобы забрать себе, а полей, обеспечь достаточно света, отступи и смотри, как это растет».

Майкл читает надпись, проходя мимо прилавка, где продавцы встречают его улыбками. Он улыбается в ответ и оглядывает цветущие на полках растения. Вдыхает запах: старость, но не как близость к смерти, а как прожитая жизнь, опыт, как что-то, оставившее след в бытии, углубившееся в памяти этого мира. Он подходит к задней двери, мимо зеркала в толстой деревянной раме на стене. Впервые за долгое время Майкл видит себя: глаза, уши, нос, рот. Видит свое лицо: половина от матери, половина от неизвестности. Папа. Затем он поднимается по узкой, песчаного оттенка лестнице между белых стен и замечает на одной ступени черную надпись «Комната поэзии», это его расслабляет.

В саду «комната поэзии» есть фонтан, откуда льется настоящая чистая вода; она всегда только дарует, принимая необходимые формы, питая все вокруг энергией и жизнью. Майкл думает, каково было бы жить в другой эпохе: Гинзберг («Я сам себя не выношу»¹⁰) разрывал миры словами и строил новые миры из них же. Он воображает комнаты и залы, заполненные людьми, готовыми слушать и, что важнее, внимать.

По комнате развешаны фотографии суровых лиц, смотрящих, как античные боги. На листах белой бумаги написаны маленькие идиомы, словно заповеди на каменных скрижалях: «Садись и читай», «Развивайся», «Читай здесь по 14 часов в день».

14.30. Он спускается в заставленный книгами подвал. Каждое помещение открывает новый мир, новое измерение. Здесь есть места для отдыха. В саду это крыльцо. Стопы Майкла пульсируют, как будто вот-вот вылезут из ботинок, он садится на ближайший стул. Среди самых разнообразных книг – от истории коренных американцев до Второй мировой войны – он замечает на нижней полке трактат о буддизме: блестящий, ярко-красный, будто только его и дожидается. Майкл открывает том наобум.

Дышите. Все в вас. Все идет к вам. Вы все знаете, вы всегда все знали. Вы не тело, не разум, вы ничто и все, вечное и текущее, далекое и близкое. Отпустите себя, забудьте о привязанностях и владениях, обо всем, что вас удерживает, и освободитесь.

17.00. Прошли часы. Время стало безвременным, словно его и вовсе не существовало; словно время – это что-то эзотерическое, колдовское, картина Пола Льюина, на которой предок является во сне с гостинцами.

Майкл покидает магазин с двумя новыми книгами. Слева вдоль проводов подвешены несколько книг, будто это стая летящих птиц. За ними на стене над рестораном виднеется мурал: меланхоличный и торжественный пианист, глубоко погруженный в свое одиночество. Сан-Франциско – город вещей.

Он поднимается по холму. Становится тихо. Здесь мало людей, так мало, что можно обмениваться приветствиями, улыбками, махать рукой. Идет дальше, подъем становится круче, гораздо круче, настолько круче, что припаркованные по диагонали машины, кажется, вот-вот поддадутся гравитации и скатятся вниз. Майкл бросает взгляд на мужчину, который с трудом старается припарковаться. Поднимается по бетонным ступеням. Входит в обвитые зеленью железные ворота, из-за которых струится тусклый свет фонаря, превращая место в волшебное. Майкл поднимается на платформу. Встает и оглядывается на пройденный путь.

Небо озарено заходящим солнцем, покрыто мазками сверкающего золота, огненного рыжего и бургунди. Майкл видит высокое здание-ракету, чье навершие целует небеса, вода вдали повторяет песню заката, а мост делит пейзаж по горизонтали. Улицы уходят вниз, все ниже и ниже, пока не исчезают из виду. Интересно, каково было бы скатиться на чем-нибудь с самого верха. Майкл закрывает глаза. Чувствует прилив эйфории, адреналина, свободы. Бриз обдаёт лицо, а он кричит. Свобода. Свобода. Я свободен.

Майкл в квартире, один, сидит на диване и смотрит в окно, в густую темноту ночи, разве что луна нарушает ее слабым сиянием. Он ест китайскую еду навынос, которую купил по дороге домой, и слушает хриплые стоны отчаяния какого-то мужчины с бородой на повторе, пока пение не прекращается; музыка затихает, планета совершает оборот, и солнце снова встает. *Мне так спокойно, как никогда не бывало раньше. Это принятие всего вокруг, это чувство гармонии.*

¹⁰ *I can't stand my own mind* – строка из стихотворения «Америка» поэта Аллена Гинзберга.

\$8586

Глава 6

Колиндейл, север Лондона; 18.15

Я постучал в дверь. На улице было тихо, голые деревья отбрасывали хищные вытянутые тени. Время от времени по дороге с одиноким свистом проезжали машины. Я посмотрел налево, направо – ни единого огонька, ни единого движения.

– Йooooooooooooooooo! – сказал Джалиль из-за двери. Он открыл ее и распахнул руки.

– Йooooooooooooooooo! – ответил я с тем же энтузиазмом; долгота «о» в приветствии отражала степень нашей радости от встречи. Мы обнялись чуть дольше, чем обычно. Джалиль только что вернулся из длительного путешествия в Афганистан к семье. Его поездки часто заканчивались волонтерской деятельностью в местных детдомах, школах, кризисных центрах, центрах гуманитарной помощи или походами в неизведанные места, без связи с внешним миром, чтобы найти себя.

– Входи, парень. Входи, – настаивал он, пока я снимал обувь. Он жил в двухэтажке, с садом и гаражом. Единственный ребенок в семье. Мать умерла, когда он еще и в школу не пошел, а отец выждал, пока Джалиль закончит университет и сможет сам себя обеспечивать, и вернулся в родную деревню, чтобы заново жениться, открыть маленькую школу и основать новую семью, а сын пусть остается сам по себе. Длинный струящийся халат покрывал его без малого двухметровую фигуру с персиково-оливковой кожей, а снизу торчали ступни 46-го размера.

– Я вернулся на прошлой неделе, – ответил Джалиль, пока мы шли на кухню.

– Как съездил?

– Ты ведь знаешь, каково это. – Он посмотрел на меня с довольством и безмятежностью. – Сразу начинаешь смотреть на вещи шире, – добавил он. Его голос модулировал от мажорной тональности до минорной.

– Так как поживаешь? – спросил он задорно, чайник кипел. Он налил нам обоим зеленого чая. Джалиль был из тех, кому в самом деле было интересно узнать, как у человека дела. Кто хотел услышать, как ты на самом деле живешь, все плохое и хорошее, ужасное и прекрасное. Отвечать от этого было не легче, мне-то уж точно. А что я должен был сказать? Хорошо? Восхитительно? Хотя жизнь разваливалась на части.

– Все хорошо, – ответил я, не понимая, кого из нас хочу в этом убедить.

Он посмотрел любопытным, выискивающим взглядом. Я отвернулся.

– Работа и все остальное, – добавил я. Хотелось рассказать ему о растущем чувстве изоляции, отчаяния, безнадежности. Я бремя для мира, для всех вокруг. Из уголков моего существа разрасталась поглощающая меня серость. Не знаю, было это фантазией или реальностью, но я чувствовал ее.

Мы с Джалилем вошли в гостиную – где он спал, ел и читал, – прозванную им «Пещера Платона, не Бэтмена». Так он жмет остатки своей оксфордской степени по философии, политологии и экономике, как атлет перед зеркалом в спортзале. Иногда она была «Пещера пророка, конечно же, мир ему на небесах», но это зависело от наличия на нем халата. Он плюхнулся на широкий диван-кровать, даже ноутбук подпрыгнул, а я рухнул в кресло-мешок на полу. Комната напоминала музей винтажных предметов: видик, кассеты, игровые консоли с картриджами, магнитофон в углу, полки с классикой в оригинальных переплетах, пара «джердансов» и различные предметы искусства.

– А где ты это взял? – спросил я, указывая чашкой на картину с планетой, парящей на фоне созвездий и комет, мимо которой несли космический корабль.

– Это моя.

– Я знаю, спрашиваю, где ты ее взял.

- Да нет, это моя, в смысле, я написал.
- Что? – Я встал и подошел, чтобы рассмотреть.
- Так много деталей. Когда ты успел?
- Какое-то время назад. Ходил на живопись.
- Да ладно! Ого. Ты это скрывал.

В ответ он лишь пожал плечами и открыл ноутбук. Пальцы рассредоточились по клавиатуре, звучно стукнули по ней; рассредоточились, стукнули; повторили в ритме, будто ставили точку в конце каждого длинного предложения.

- Бро, я старею.

Я усмехнулся внезапному экзистенциальному откровению.

- Ты о чем?

– Мне пришлось зарегистрироваться на этом сайте знакомств. Смотри. – Он мельком показал мне экран, но я не успел толком разглядеть.

- Это сайт для одиноких мусульман в поиске спутника жизни.

- Спутника жизни? Хочешь себе домохозяйку в хиджабе?

- Ха-ха, вроде того. Пора остепениться. Мне уже почти тридцать.

- Ты уверен, что это единственная причина?

– Ну, это и еще то, что Баба достает. Говорит, если я не найду кого-то поскорее, сам сведет меня с девушкой из деревни.

- Может, это и неплохо. А вдруг она ничего?

– Он показывал фотки... – Я пытался понять выражение его лица. Он ждал комментариев.

- Красота в глазах смотрящего.

– Я на этой фотографии ни на кого смотреть не хочу, – ответил он и тяжело усмехнулся, как будто не хватило воздуха.

- Ты-то видел там деревенских красоток?

- И не мог остановиться, бро.

- Не сомневаюсь.

– Нет, в смысле, они все красивые, это другой тип красоты. Глаза приспособливаются, смотришь с другого ракурса. Там не евроцентричные идеалы красоты... деколонизированные, да?

- Так почему ты ни с одной не познакомился?

– Это не так работает, – усмехнулся моей наивности Джалиль. – Я не могу просто подойти и сказать: «Привет, детка, как поживаешь?» Есть обычаи и культура. Надо сначала поговорить с бабой, потом баба идет говорить с бабой девушки. Представь своего отца в роли свахи.

- Ну, надо же что-то сделать. Иначе отец выберет за тебя.

– Но ведь так сложно кого-то узнать. Все эти свидания просто ужасны. Вы начинаете встречаться, и обоим приходится делать милые вещи и ходить в места, куда никто из вас не хочет. Повезет – у вас что-то завяжется, но потом она просто перестанет отвечать.

– Или ты перестанешь отвечать. Звучит так, будто ты боишься отношений... Проблемы с привязанностью.

– Так, не включай Фрейда. Меня достаточно обнимали в детстве. Единственное, чего я боюсь, – это привязанность не к тому человеку. – Джалиль прервался, будто заглянув в ужасающее будущее. – Вот зачем мне профиль на этом сайте, – продолжил он. – Он отсеет все ненужное. Но я все равно не знаю, что сказать о себе. Написать, что я вожу мотоцикл?

- Женишься как пить дать.

- Правда? – Он начал быстро набирать на клавиатуре.

– Нет! – ответил я, махая руками. – Женщин интересует в мужчинах нечто большее, чем просто наличие мотоцикла.

– Конечно, все дело в его размере, да?

– Нет. Прекрати. Слушай, давай я заполню описание за тебя?

– Что? – взвизгнул он в панике.

– Это же разумно, подумай. Мы лучшие друзья. Я знаю тебя лучше всех, иногда даже лучше тебя самого. А?

– Ты ведь не отстанешь от меня, да?

– Ни за что.

– Ладно, давай. – Он кинул ноутбук, тот пролетел по воздуху и плюхнулся рядом со мной в кресло-мешок. Я открыл его и театрально растопырил пальцы. Поднял взгляд: Джалиль наблюдал за мной с нервным любопытством и предвкушением. Закончив, я закрыл ноутбук и кинул ему. Он с нетерпением поймал его в воздухе.

– «Меня зовут Джалиль, я почти тридцатилетний путешественник, любитель приключений и обожатель жизни. Увлекаюсь политикой, философией, люблю познавать разные культуры, языки (могу заказать еду на пяти языках и знаю, как на каждом из них посмеяться) и людей. Еще я рисую и много гуляю. Так что здесь я ищу спутницу для долгой прогулки по жизни». А неплохо, бро, очень хорошо... Стоп, это не все. «Если все это тебе не интересно, у меня есть очень крутой байк. С большим мотором». Ха! И что же случилось с «женщин интересуется в мужчинах нечто больше»?

– Просто стараюсь увеличить твои шансы. Работать почти не с чем. – Джалиль соорудил жутко мемную физиономию. Часы бьют полночь.

– Мне пора, завтра с утра на работу, – сказал я, кляня носом.

Когда прозвенел будильник, я уже понял, что опаздываю. Помчался в ванну. Почистил зубы, быстро принял душ. Вышел, захлопнув дверь, будто жизнь свою спасал; рубашка развевалась за мной на ветру, рюкзак прыгал на спине. Кларк Кент для бедных местного разлива; Супермен, только без суперсил... Суперучитель мог бы стать супергероем? Спасать всех, кроме себя. Боже, ненавижу свою работу.

8.00. Написал Сандре. Ответа ждать не стал. Рванул вниз по эскалатору, едва касаясь ногами ступеней. Кто-то преградил мне путь по левой стороне – определенно турист; бесячий турист в 8 утра; бесячий турист в 8 утра, которому в час пик тут делать нечего. Я обогнул его. Следующий поезд через четыре минуты. «Ааааа», – раздраженно простонал я, окружающие замерли и молча уставились на меня, притворяясь, что не видят и не слышат. Пришел поезд, я поторопился зайти и оказался окружен запахами изо рта, пятнами пота на одежде и слишком близкими контактами.

– ТИХО! – Я вошел в кабинет, и класс немедленно успокоился. Сидевшие на партах школьники вернулись на места, другие медленно опустили руки, все еще держа скомканные для броски бумажки. Помощница учителя, чье имя я даже не потрудился запомнить, вздохнула с облегчением.

– Благодарю, мисс. Беру их на себя. – Она улыбнулась. – Энергичные восьмиклашки, – шепнул я ей, когда она шла на выход.

– Вы сами знаете, что при помощниках учителей лучше не хулиганить. Вы же не глупые. Да и в конце концов я все равно узнаю, верно? Марлон? Руби? Джасвиндер?

– Да ладно, сэр, честных людей на живца не поймаешь. Что есть, то есть.

– Я все узнаю, верно... Джасвиндер? – повторил я, не сводя с него глаз.

– Извините, сэр, – поверженно промямлил он.

– А теперь открываем учебники, оставшуюся часть урока будем читать в тишине. – Все в один голос застонали.

– Я сказал, в тишине!

Покойся с миром, Майкл Кабонго.

Время смерти: 11.35.

Причина смерти: неизвестна, не исключено вмешательство неотесанных орущих детей и стресса.

Надпись на могильном камне: «Здесь покоится человек, который умер, как жил: усталым».

Ха-ха! В голос просто. А ты где?

Ты, значит, считаешь мою смерть смешной? Какое бездушие. А ты где?

И почему я удивлена? Другого от тебя и ожидать не стоило. Так ты где??!!!

В своей могиле.

Так, эта шутка про смерть умерла. Где ты?

В классе.

Так ты добрался.

Да, но опоздал. Ты не получила сообщение?

Нет.

Хм, неловко.

Ты идешь на перерыв? Приходи в учительскую.

Зачем?

Я здесь.

...

Ладно.

Я очень устал. Будет чудом, если со стула встану, какая там учительская. И я сегодня дежурю.

Хочешь, подменю?

Правда?

Нет.

М-да, ух ты.

А вот и звонок! Удачи!

В коридорах зазвучали веселые крики и возгласы школьников.

10.50. День только начался, а я уже ждал, когда он закончится. Подъехал на стуле к двери.

– Эм, одиннадцатый класс, вы должны построиться у кабинета тихо, – постарался я пере-
кричать их. Они медленно выстроились в ряд.

– Сэр, вы сидите? – спросил отличник Алекс.

– Я... Я ногу повредил.

Он посмотрел на меня, как бы говоря: «Ага, конечно», – и так отчетливо, что я почти видел осуждение в его глазах. Все зашли в класс.

Это разве жизнь?

Урок наконец закончился. Одиннадцатиклассники собрались и ушли обедать. Дверь осталась открытой. Я что-то проворчал себе под нос. Подъехал на стуле закрыть ее. Тут возникла Сандра и, увидев меня, засмеялась. Так хотелось захлопнуть дверь у нее перед носом, но я решил впустить ее.

– Ты не ответил на мое сообщение.

Она положила сэндвич мне на стол.

– Ты принесла мне поесть?

– Ну, после твоего тона этим утром и последнего сообщения от тебя я решила, что будет не лишним немного тебя порадовать.

– Оу, спасибо, рабочая женушка. Туец с кукурузой... мой любимый.

– С майонезом. Да, твой любимый. Как себя чувствуешь?

– Ноги как будто пронзила тысяча иголок. Я не вставал со стула с первой перемены. И отказываюсь делать это до конца дня.

Сандра засмеялась очередному приступу моей «драматичной нелепости», которую я совсем не считал – и не считаю – ни драматичной, ни нелепой. Я заметил, каким красивым становится ее лицо во время смеха: скулы приподнимаются, подбородок расслабляется, на щеках проступают ямочки, глаза прикрыты, а в уголках собираются морщинки.

– Стой! Ты разве не должен дежурить?

– Оххх... – простонал я, сдержав нецензурные выражения. Всегда объясняю детям, что брань – показатель скудности лексикона, однако порой это идеальная инкапсуляция чувства, потому что когда ты на работе и хочешь поскорее уйти, единственные подходящие слова – это «да пошло оно все на хер». Вот как я ощущал себя в тот момент. Постарался откатить себя обратно к столу, все еще не покидая стула, а Сандра шла позади, хихикая.

– Пятнадцать минут уже прошли. Я если не приду, никто и не заметит, да?

В ответ Сандра пожала плечами. Я откатил стул обратно к столу.

Глава 7

Академия Грейс Харт, Лондон, 14.45

Одиннадцатиклассники спокойно читали. Я сопротивлялся желанию смотреть на время каждые две минуты. Пялился на стрелки настенных часов, которые не двигались уже 15 минут, или это мне казалось, что прошло 15 минут; упрямый, несговорчивый мул. Желудок пронзила голодная боль, внутри заурчало, голова начала пульсировать, словно боксер-любитель вымещал на ней злость после расставания с девушкой. Я ощутил дрожь в ногах и спросил сам себя, сколько еще мне терпеть это безумие.

Дуэйн за задней партой качался на стуле и смотрел за окно. Одна рука лежала на школьных брюках, спущенных так, чтобы видны были спортивные шорты. Мы встретились взглядами. Он так привык, что на него даже мельком не смотрят, не говоря уже о пристальном взгляде, что постарался скрыть удивление. Я кивнул в направлении его руки, он вытащил ее. Интересно, откуда берутся все эти нелепые тренды и почему школьники так за них цепляются? Тут я вспомнил, как мы, будучи подростками, носили спортивные, закатав одну штанину, и валяли дурака с видом, будто меняем мир.

– У тебя все хорошо? – прошептал я. Дуэйн легонько кивнул, смотря уже не на меня, а в пол.

– Сколько ты прочел? – спросил я, зная, что он не прочел ни строчки. На парте обложкой вниз лежала книга. Я взял ее. «Одинокое лондонцы»¹¹. – Интересная книга, – сказал я и открыл.

– Да все равно, это не моя, – ответил он, когда я положил книгу обратно.

– Тебе не должно быть все равно. Ты должен знать о поколении «Виндраш»¹², о том, как наши предки оказались в этой стране.

Дуэйн пожал плечами.

– Останься после урока на пару слов, – сказал я. Он не двинулся и только сильнее замкнулся в себе.

Пока я возвращался за свой стол, прозвенел звонок. Ученики быстро собрались и ждали, пока их отпустят, а потом высыпали из кабинета в коридор.

– Подойди, – сказал я Дуэйну, который так и не сдвинулся с места. Он с усилием поднялся и подошел ко мне, шаркая ногами в «эйрмаксах» последней модели, на вид дорогих и ручной работы.

– Все хорошо?

Он кивнул.

– Ты хотя бы в конце почитал?

Он замотал головой.

– Почему? Не понравилось?

Пожал плечами.

– Послушай, Дуэйн, ты в одиннадцатом классе. Близятся выпускные экзамены. Знаю, учебный год только начался, но тебе надо взяться за ум. Я не хочу, чтобы ты провалился.

Он пожал плечами.

¹¹ The Lonely Londoners – роман 1956 года тринидадского автора Сэмюэля Селвона. Его публикация была одной из первых, в которой основное внимание уделялось бедным чернокожим представителям рабочего класса после принятия Закона о британском гражданстве 1948 года.

¹² Поколение «Виндраш» – это люди, которые с 1948 по 1971 год прибыли в Великобританию из Британской Вест-Индии. Их пригласили, чтобы заполнить недостающие рабочие места и отстроить страну после Второй мировой. Первую крупную партию беженцев привез лайнер Empire Windrush. Отсюда и название поколения. В 2012 году в Великобритании ужесточили миграционные правила. Согласно им, для работы, доступа к здравоохранению и другим услугам необходимы документы.

– Ты не можешь все время молчать, – добавил я от досады.

– Я могу идти? – спросил он коротко, отрывисто, стаккато. С меня хватит, я кивнул. Он выскочил, открыв дверь нараспашку, так что она заболталась на петлях. Я фыркнул и открыл почту.

От: Админ

Тема: Обеденное дежурство

Пожалуйста, предоставьте объяснение, почему вы так и не появились на сегодняшнем дежурстве. Если вы не сможете предоставить уважительную причину, за этим последует вычет из зарплаты.

Всего хорошего,

Админ

Я сверлил письмо взглядом с нарастающей яростью. Загорелся экран телефона: сообщение от Сандры.

Все еще мертв?

Кажется, я воскрес.

Прошу, только без религиозных шутеек.

Да ладно, я бы такого не сделал.. в сообщении.

Однажды я тебя брошу, а ты, глупыш, так и не догадаешься почему.

Удивлен, что ты все еще этого не сделала. Наверное, смелости не хватает. #трусиска.

Сделаю вид, что ты этого не писал (на этот раз). Как себя чувствуешь?

Устал, будто уже четверг, а еще только понедельник.

Ну, тогда соберись с силами, потому что у нас рабочее собрание.

ЧТО?! Нет!

Не сегодня. Завтра. Второй раз за день попался. Очень непохоже на тебя. Я бы много заплатила, чтобы увидеть сейчас твою реакцию. Ты, сынок, совсем форму потерял.

Я тебе не сынок! Так собрания не будет? Омг. Однажды я брошу тебя и..

и я тут буду ни при чем!

Я усмехнулся и вернулся к компьютеру, продолжил смотреть почту. Клик. Удалить.

Вошел в пространство какофонии и стал искать куда сесть. Несмотря на все попытки игнорировать его, я все равно оказался рядом с мистером Барнсом, который, помахав, выставил для меня соседний стул.

– Эй, спасибо. Не заметил вас сразу.

– Надеюсь, вы в отличном настроении, – ответил он, когда я кивнул, решив поддакивать ему. – Я тут подумал... – Как раз в этот момент вошла миссис Сандермейер, и все затихли. Она направилась к центру кабинета, цокая по деревянному полу каблуками.

– Всем доброе утро, – произнесла она четким, уверенным голосом, уже зная ответную фразу.

– Доброе утро, – ответили все хором. Я молчал, затерявшись в хоре.

– С начала учебного года прошло чуть больше месяца, но мы уже хорошо идем. Главное, не терять мотивации, подталкивать отличников к еще большим достижениям, воодушевлять отстающих на усердную работу и пресекать любое непослушание и проблемы с дисциплиной еще в зародыше.

Она вещала так, будто выступает на сцене, а вокруг многотысячная публика. Я восхищался ее энтузиазмом и пылкостью, но и ненавидел их, потому что уставал; потому что сразу начинал гадать, отчего во мне нет такого энтузиазма и пылкости. Мистер Барнс записывал. Я взглянул на него и отвернулся. После пары заявлений от учителей, которые явно пытались казаться важнее, чем были, прозвенел звонок, и все разошлись по классам.

У меня было свободное утро, и я бродил по коридорам, наблюдая, как легковозбудимые детишки спешат на уроки. Словно школа, в которой я тонул, топила и их. На лестнице возникла внушительная фигура мистера Блэка. Она росла по мере его приближения, я поднял голову, напрягая шею, и поздоровался. Он был по меньшей мере два метра ростом и почти столько же в ширину. На нем была безукоризненно белая рубашка с короткими, обтягивающими бицепсы рукавами и неизменный красный галстук с темно-серыми брюками. У него, наверное, целый шкаф был завален идентичными нарядами на каждый день.

– Доброе утро, сэр, – протрубил мистер Блэк, так что стены завибрировали. С такими как он всегда чувствуешь себя безопасно, несмотря на ситуацию. Пусть хоть здание рушится, даже кирпичи будут в страхе огибать его фигуру. Мы обсудили финал Национальной баскетбольной лиги, прошедший летом: выиграли бы «Уорриорз», если Ирвинг и Лав не получили бы повреждения; чего ждать в следующем сезоне; школьную баскетбольную команду и городской чемпионат среди школ Лондона, в котором он твердо намеревался выиграть. Во всем этом я едва разбирался, но вполне прилично поддержал разговор. На пару секунд нас даже можно было принять за приятелей, болтающих в баре после работы. Всегда поражался тому, какой он верный муж и благородный человек: из тех, кто всем вокруг желает того же, что есть у него, – мира в душе, счастья. Во многом он напоминал мне отца, каким я его себе представлял, этого незнакомца. О, как же внезапно, бывает, нападает одиночество, разбуженное воспоминанием!

Мистер Блэк вернул меня в реальность, похлопав по плечу своей великанской ладонью.

– Что ж, пора за работу, – сказал он и ушел.

Я вернулся к себе в класс, сел за стол, стал отвечать на письма под звуки классической музыки – Вивальди, «Времена года», – когда услышал приглушенные голоса за стенкой. Новая учительница, миссис Кэпч... Кэп, не помню точно, но я всегда звал ее сокращенно миссис Кей, а она лишь улыбалась, прощая мне такую фамильярность. Она преподавала что-то гуманитарное, но я не запомнил что.

Голоса гремяли, отдаваясь эхом, словно гавканье двух собак, словно бульканье кипящей воды. Миссис Кей что-то закричала, я вскочил со стула и рванул к кабинету. Открыл дверь и увидел, что она стоит как вкопанная, а руки у нее трясутся от страха. Школьники возбужденно скандировали: «Бей! Бей! Бей!» Они стояли восьмиугольником, окружив два катающихся по

полу тела, улюлюкая и вздыхая в ответ на каждый удар, пинок и удушение. Я ловко проскочил мимо стульев, крикнув группе: «РАЗОЙДИСЬ!»

– Дуэйн, Алекс! – воскликнул я в шоке, увидев, как Дуэйн душит Алекса: обхватив длинными, похожими на осьминожки щупальца руками шею и голову и обвив ногами торс. Алекс начал хватать воздух ртом. Я в один прыжок оказался рядом с ними на полу, попытался разжать руки Дуэйна, но не вышло. Он сцепил их в замок понадежнее велосипедного в криминальном квартале. Тут Алекс под действием какой-то незримой силы перевернулся на живот, поднялся на колени, встал с Дуэйном на спине и рухнул назад, придавив его. Голова Дуэйна ударилась об пол со звуком барабана, он разжал руки, схватился за затылок и откатился в сторону. Алекс встал над ним, но не успел ничего сделать – я оказался между мальчиками. Надо мной нависла огромная тень, будто туча, перекрывшая тусклый свет из окон. Мистер Блэк. Он поднял Дуэйна с пола одной рукой, как тряпичную куклу.

– Значит, так, юноша. За мной! – проревел он и вышел с топотом, таща за собой Дуэйна. Я встал и, сделав авторитетный вид, приказал Алексу следовать за мной.

– А остальные, – проревел я, – немедленно по местам и заткнулись! И чтоб ни слова из этого кабинета! – Они тут же тихо зашуршали, возвращаясь за парты. Я сам себе удивился, но это сработало.

– Миссис Кей, в случае чего я в соседнем кабинете. – Она посмотрела на меня отсутствующим взглядом, словно увидела бывшего, призрак родителя, несбывшуюся мечту – или что там может преследовать человека.

Я придержал Алексу дверь в свой кабинет и внимательно на него посмотрел. Взгляд в пол, плечи опущены, спина ссутулена, руки безвольно висят по бокам. Он сел на задний ряд у окна и посмотрел на улицу.

– Алекс... Алекс-отличник. – Он не ответил, не вздрогнул, даже не вздохнул. Я уселся за компьютер и стал яростно печатать, ударяя по клавиатуре с такой скоростью, что пальцы заболели.

– Такого поведения я от тебя не ожидал.

Мы сидели в давящем молчании, пока не прозвенел звонок. Алекс тут же сам себя отпустил: встал и направился к выходу, волоча по полу рюкзак.

День подходил к концу. Я сидел у себя за столом с чувством, будто из меня выкачали все, что было: энергию, страсть, запал, – все расплескалось по полу, как будто я получил ранение и потерял много крови, а сил прикрыть рану у меня не хватало. Была только середина недели, а я и представить не мог, как дотянуть до конца. Часто мы живем ради них: пятниц, выходных, когда можно расслабиться и быть кем хочется, а не кем заставляют быть. Но что делать, если ты едва можешь представить себе завтрашний день, не говоря уже о конце недели? А потом приходит эта тяжесть, эта легкая тяжесть – не было ее, и вдруг как нагрянет. Мое дыхание участилось, грудь сдавило – чем больше я думал о своем положении тогда, на том стуле, в том кабинете, тем сильнее. За окном лил дождь, и я каким-то образом даже уловил перемену в текстуре воздуха – он стал гуще, темнее, тусклее. Я вдохнул. И понял, что выпал из реальности: теперь я смотрел на дальнюю стену кабинета. Пришел мистер Барнс.

– Здравствуйте, сэр, – сказал он, просунув голову в дверь, как бы спрашивая разрешения войти.

– Все хорошо? Заходите, – ответил я вяло, неохотно разрешая ему зайти.

– Как ваш день? – поинтересовался он из лучших побуждений. Я хотел признаться, что плохо, очень плохо; что я устал; что еще до начала занятий мне пришлось остановить драку; что на последнем уроке я выставил из класса столько учеников, что мог бы с таким же успехом учить самого себя; что мне хотелось всего-навсего свернуться в клубок и уснуть, надолго.

– Неплохо, – ответил я. – А ваш?

– Тяжеловато. – Он глубоко вздохнул и сел на парту передо мной. – Может, сегодня просто день такой.

Я кивнул, пребывая в молчании.

– Я подумал, может, после работы... Того? Не хотите присоединиться? – предложил он, улыбаясь. Он поднял брови, на лбу проступили морщины.

– Боюсь, не могу... У меня последний урок, и потом еще много работы. – Не важно, сколько раз я отказывался, он все равно приглашал меня. Отчасти я восхищался этим, отчасти это меня бесило.

– Без проблем, дружище. – Его голос звучал подавленно, даже раздавленно, но не без толики надежды. – Как-нибудь потом, может.

– А вы на велосипеде домой? – спросил я, стараясь сгладить отказ.

– Да, – ответил он.

– Будьте осторожны. Там дождь пошел.

Глава 8

Сан-Франциско, Калифорния; 21.39

Майкл сидит, уставившись в бокал. Уже четвертая порция выпивки. Алкоголь греет кости и расслабляет. Но недостаточно, чтобы с кем-нибудь заговорить. Бармен протягивает счет – 50\$ – и смотрит на него с подозрением. В баре звучит оглушительная бухающая музыка, тела сталкиваются в танцах с песнями, а он сидит посреди, в эпицентре этой бури, как клеточное ядро, и тонет. Народ все входит и проносится мимо него, будто он невидимка. Подумывает уйти, но выбраться из бара будет сложнее, чем посидеть и подождать. Он и сидит тихонько, бездвижно, не понимая, зачем вообще пришел. Какими видят нас другие или не видят; какими мы хотим, чтобы нас увидели, но в итоге не видят. Мы боремся, чтобы нас увидели, чтобы мир знал, что мы есть, но про нас забывают, нас вновь не видят; разница в том, что мы выбираем, видят нас или нет, мы сами можем видеть друг друга. Но, не будь нас, мир не рухнет. Мир никогда не рухнет. *Он продолжит существовать и без меня.*

Мысли Майкла ускользают. Он берет телефон, просматривает сделанные снимки – селфи с одним, другим, третьим. Никогда не видел несчастного туриста. Если в путешествии столько радости, зачем вообще сидеть дома? Он учится расслабляться наедине с собой, быть тем, кем не мог раньше.

– Эй, крутые фотки. – Он отрывается от телефона и видит пару песчано-зеленых глаз, упругие золотистые локоны и широкую улыбку. От ее красоты захватывает дух, отвисает челюсть, а горло переполняется желанием.

– Вы, должно быть, не местный... – Она мило смеется. – Я Сара. – Девушка смотрит на стул рядом с ним и садится без приглашения. – Что привело вас в наш Залив? – спрашивает она, жестикулируя.

– Эм, – он потрясен, сконфужен, неподготовлен. – Я тут в поездке.

– По работе или отдыхаете? – заигрывая, интересуется она. Он молчит.

– М-да, что бы это ни было, вам, судя по всему, не особо нравится.

Майкл смотрит на нее, не находя слов, точнее, сдерживая их, чтобы не выдать себя. Разговор продолжается, она замечает его акцент, что его слова изгибаются не так, как ее, и кажутся тяжелее. Она осторожно кладет руку ему на плечо и делает все те вещички, какие принято делать во время свиданий: проявляет внимание, слушает, открывается и создает комфорт; в этом комфорте безопасно.

– Кажется, у нас свидание?... – спрашивает он.

– Правда? – отвечает она, нервно посмеиваясь, как подросток, чей личный дневник прочитали во всеуслышание. – Это ты так приглашаешь? – спрашивает девушка. Теперь она смеется. Берет со стойки салфетку и записывает свой номер. Майкл следит за этим пытливым настороженным взглядом. Она целует его в щеку и пропадает в темноте зала, полного танцующих тел и басов. Он складывает салфетку в карман.

Домой Майкл едет на электричке: Монтгомери, Эмбаркадеро. Он смотрит на соседнее место, рядом сидит мужчина, очень похожий на него: уставший, замученный, не желающий быть здесь. Майкл хорошо знает, каково это. Он смотрит на мужчину – в его глазах стоят те же невидимые слезы. Не выдержав смотреть друг на друга, словно в зеркало, они вскоре отворачиваются. Уэст-Окленд, 19-я Стрит Окленд, МакАртур.

Он встает и идет на автобус до дома. На остановке уже стоят несколько людей, сквозь музыку в наушниках он слышит стоны разочарования и сглаженные ругательства – узнали, что автобус больше не ходит. Майкл проходит мимо остановки, словно и не собирался ехать на автобусе. Поворачивает направо, еще раз направо и оказывается на жутковатой тихой, тускло

освещенной улице; тени от фонарей простираются, как чьи-то руки, а машины спереди напоминают лица.

24.00. Он выключает музыку в наушниках и пристально вглядывается в то возникающие, то пропадающие предметы вокруг. Сзади слышатся чьи-то шаги, сердцебиение учащается. Они становятся ближе, Майкл уже не понимает, шаги это или удары его сердца, но что-то неумолимо стучит. Над ним нависает тень. Он замедляется, сжимает кулаки, готовясь прогнать страх. *Или ты, или я.* Сбоку возникает молодой человек, такой же высокий, темнокожий, как и сам Майкл, с опущенной головой, в бандане, свободной футболке, брюках-чинос и баскетбольных кроссовках.

– Как дела, бро? – здоровается парень.

«И почему я так испугался?» – спрашивает себя Майкл, поприветствовав парня в ответ. Это же я проходил мимо. Сердцебиение замедляется и успокаивается. Он притормаживает, парень идет вперед. Майкл останавливается перед витриной. Его внимание привлекает постер: улыбающийся Малкольм Икс, а рядом постеры с Маркусом Гарви, Хэрриет Тубман и другие, пока не известные ему исторические личности в минуты славы. Они напоминают скорее картины, чем постеры – словно ожившее искусство. Он опирается ладонями на стекло, так хочется войти! Дверь заперта. Внутри ряды и ряды книг: «Вклад долины Нила в цивилизацию», «До работорговли», «Варварская цивилизация», другие эзотерические книги и полотна с древними божествами на стенах. Он отступает, смотрит на вывеску над магазином и уходит, оставляя за спиной историю, что у него в крови.

Прогуливаясь под ясным небом по 40-й улице, Майкл тянется в карман джинсов, тех же, что были на нем вчера. Салфетка еще там. Хорошенько подумав, он достает телефон и набирает номер. Звонит. Он уже собирался положить трубку, как на том конце линии отвечают.

– Алло?

– Привет. Сара? – спрашивает он, волнуясь.

– Да.

– Мы вчера в баре познакомились. Вы дали мне свой...

– Я поняла. Я тебя помню. К тому же среди моих знакомых нет никого с таким милым британским акцентом.

Он смеется, добавляя больше басовых ноток в голос.

– Я подумал, мы можем как-нибудь встретиться?

– Да, с удовольствием, – ответила она с воодушевлением, к которому он не привык. – Есть идеи, чем займемся?

– Ну, мы можем перекусить и сходить на какой-нибудь концерт.

– Звучит отлично.

– В Эл Эй?

– Что? – она срывается на визг. – Эл Эй – это...?

– Да, Город ангелов.

– Лос-Анджелес.

– Да.

– Но у меня занятия... и работа.

– Так пропустишь пару дней по болезни. В чем проблема?

– Пробки на трассах ужасные, и поездка будет дико долгой, к тому же это влетит в копеечку...

– Какая поездка? В самолетах пробок нет. И не переживай, я об этом позабочусь.

Она кашлянула.

– Кажется, ты прав. Что-то мне нехорошо, – снова кашлянула. – Кажется, я и впрямь заболела, – говорит она.

– Прекрасно! Позвоню чуть позже, когда вернусь домой, и мы все решим. – Он кладет трубку, разбегается и подпрыгивает, взмахнув ногами, как Майкл Джордан после победного броска. Прохожие смотрят с любопытством, кто-то даже угукает и одобрительно кричит: «Давай, парень!»

– Поверить не могу, что мы в Лос-Анджелесе.

– М-м-м, разве не я должен такое говорить? Я тут впервые, а ты живешь в Калифорнии.

– Знаю, просто поверить не могу, что мы здесь прямо сейчас, – смеется она, прищурив глаза; уголки рта приподнимаются, губы обнажают ряд ровных зубов. – Я бы сейчас сидела у себя за столом, отвечала на письма и звонки: «Доброе утро, Брайт Иншуранс, чем могу помочь?» – и отбивалась бы от подкатов своего босса.

– Так проходят твои будни?

– Да, если сил хватит.

– Так... ты не ненавидишь свою работу?

– Ни капельки.

– Понимаю.

Наступает время обеда, они прерываются, чтобы поесть. Жарко; играет бодрая поп-музыка, а на большом настенном экране играют «Лейкерс».

– Кстати, спасибо, что полетела со мной.

– Разве это не я должна благодарить за приглашение? Ты оплатил билеты на самолет и снял нам квартирку, правда крохотную и немного странненькую...

– Пусть странненькую, но необычную, единственную в своем роде.

– Там душ на кухне.

– Все равно: единственная в своем роде. Ты можешь спасти природу, вскипятив в чайнике воду из душа...

– Фу! Нет, нет, нет. Надо было мне заняться бронью. Я знаю город лучше тебя.

– Так, а что произошло с девушкой, которая не могла поверить, что мы в Лос-Анджелесе?

– А что случилось с парнем, который говорил, что ему нравится не говорить, а слушать?

– Туше.

– Мне нужно было сбежать, в последнее время столько всего навалилось. Да, по большому счету мы друг другу никто... поправка... мы и по малому счету друг другу никто, – улыбается она, – но я тебе доверяю. Почему-то с тобой я чувствую себя в безопасности. И это здорово. – Она улыбается глазами.

К столику подходит официант, высокий стройный парень, загорелый, с темной шевелюрой и густыми усами.

– Все ли вам нравится? – спрашивает он с ядреным мексиканским акцентом. Оба кивают.

– К тому же, – продолжает Сара, – хорошо, что мы познакомились за несколько дней до поездки, и я успела посмотреть всех твоих друзей на «Фейсбуке»¹³, фотографии и историю статусов. Они оказались неожиданно философскими: ты совсем не похож на того, что вечно вопрошает, «почему мы здесь» и «какой во всем этом смысл». Это круто.

Срочно удаляю все свои соцсети.

– Да, но до такой крутизны им далеко. – Майкл отрывается от телефона и показывает ей экран.

– «Туси веселей в городке Эл Эй». Правда? Ты серьезно?

– Ну да, как Чикаго... городок Чи.

– Да его никто так не зовет. – Она тянется к телефону. – Отдай. Надо удалить это, пока ты себя не опозорил.

¹³ Компания *Meta* признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ.

Он убирает от нее телефон и кладет на стол экраном вниз, грозя указательным пальцем. Майкл просит счет, а когда его приносят, кладет сорок долларов. Они немного спорят, стоит ли оставить чаевые, он проигрывает и добавляет пять долларов сверху, а она – еще пять, говоря:

– Создаю тебе репутацию. Спасибо за обед.

Сара нежно проводит рукой по его руке, так что даже пушок на коже вздымается. Она кладет руку поверх его. От прикосновения девушки по телу Майкла проходит ток, будто возвращая к жизни.

Они в машине, взятой напрокат, едут по району Лос-Анджелеса, который оба почти не знают, точнее, не знают совсем.

– Да ты, я смотрю, просто мистер Формула 1! – шутит она про низкую скорость, они смеются. Она кладет руку ему на кисть, скользит ладонью вверх, к плечу, к голове и нежно гладит по волосам. Майклу сложно сосредоточиться на дороге.

Венис-Бич, Голливуд, Аллея славы, Беверли-Хилз – за день они посмотрели все, разве что не сходили на игру «Лейкерс» в Стейплс-центре. На заднем сиденье машины покупки, на переднем – желание, но Майкл чем-то недоволен. *Мне хочется увидеть Лос-Анджелес, похожий на меня, который ходит, как я, и говорит, как я, будь я из этого города.*

Поздно. Луна робко выглядывает из-за медленно плывущих облаков. Они попадают в пробку на мосту – позади крадется городской пейзаж. Музыка по радио прерывает сводка о дорожном движении.

– Пробки! – восклицает Сара, резко откинувшись на сиденье и выключив радио. – Ну, говорят же: нельзя просто взять и не попасть в пробку в Лос-Анджелесе.

– Кто так говорит? – спрашивает Майкл.

– В смысле кто так говорит?

– Ну, кто? Ты сказала «они». Кто «они»?

– Они – это не какие-то реальные люди, просто так говорят.

– Если «они» не реальные люди, значит, так никто не говорит.

– Блять, Майкл! Никто же не сидит специально, придумывая умные фразы для человечества!.. Я не так представляла себе поездку, – добавляет Сара. Она издает недовольный стон и сердито бьет по сиденью. Впереди виднеется конец пробки, Майкл прибавляет скорости на выезде. – Ты хоть знаешь, куда мы едем?

– Найти нашу квартиру, должно быть, не очень сложно. Двигаться лучше, чем стоять в пробке... говорят.

Сара натягивает ухмылку в ответ на самодовольное выражение Майкла. Они едут по длинной, тускло освещенной трассе, деревья нависают над дорогой, как призраки.

– Не могу дождаться, когда приедем, и я примерю все, что купила. А потом, может быть, даже сниму. – Сара смотрит на Майкла и улыбается. Взгляд девушки падает на тату в виде бабочки на ее запястье.

– А ты покажешь мне свою татуировку?

– Нет.

– Как грубо! Вообще-то это была твоя идея. Я тебе свою показала.

Они останавливаются на светофоре. Тихо гудит двигатель.

– У тебя бабочка. В ней нет никакого смысла.

– Для меня есть.

– О'кей, и какой же?

– Когда я была маленькой...

В машину что-то врезалось, их тряхнуло вперед. Майкл крепко схватился за руль, чтобы не удариться. Сару бросило вперед, она держится за шею, ей больно. Машина с визгом тормозит.

– Что это было? – Сердце Майкла заходится в страхе. Раздается удар. Отчетливый звук металла по стеклу.

Глава 9

Лос-Анджелес, Калифорния; 0.23

– Вылезьте на хрен из машины, – раздается с другой стороны приглушенный голос. Лицо человека скрыто банданой и толстовкой с капюшоном. Он открывает дверь и вытаскивает Майкла. А из другой двери – Сару. Их заставляют сесть на асфальт. Двигатель работает. Перед ними двое мужчин, даже парней, возможно, вчерашние школьники. Майкл задумывается о них и вспоминает Дуэйна. У одного на поясе мелькает что-то металлическое, но разглядеть, что именно, не выходит.

– Отдавай все, что есть, ссыкун. Живее.

Майкл видит ужас в лице Сары. Ее глаза как озера, полные слез. Он колеблется.

– Ты че, глухой? – рычит на него один из парней. Майкл вздыхает и неохотно выкладывает все из карманов: кошелек, телефон, наличку – стодолларовыми банкнотами. Твою мать. Другой парень берет вещи и считает деньги. Они кивают друг другу. Миссия выполнена. Второй бежит к машине и спешно уезжает, а напарник запрыгивает в машину Майкла.

– И это все? – кричит Майкл. Парень замирает, смотрит на него, затем на Сару, снова на него. Даже Сара в шоке от этого крика, но Майкл не обращает на это внимания.

– Ты че сказал?

– Ты слышал, недомерок. Я сказал: и это все?

– Ты че несешь?

– Да, что ты несешь? Заткнись, – говорит Сара, уже не плача. Она толкает Майкла в руку, словно стараясь вбить в него немного разума. Парень с блестящим металлическим предметом на поясе выходит из машины. Теперь ясно, что это. Парень подходит к Майклу и со всей силы бьет его ногой в лицо, сшибая на землю.

– Ты псих? – произносит парень.

Майкл садится и проверяет, нет ли крови. Театрально вздыхает, будто удар его не особо потревожил, не больше, чем когда лезут без очереди или наступают на ногу.

– Послушай, я хочу помочь, – говорит Майкл, будто давая пацану совет. – Когда вы попытаетесь воспользоваться кредитками, их уже заблокируют. Наличные быстро уйдут на счета и ваши кошмарные стрижки. Кстати, вы же это фейдом называете?¹⁴ Не успеете оглянуться, и вы снова окажетесь на улице. В темноте, ночью, снова будете грабить машины. По-моему, глупая трата времени. Ты способен на большее.

– Ты пытался мотивационную речь толкнуть? В этом районе? – Он смеется. – Заруби себе, что тебе повезло остаться в живых. Я мог бы тебя и прибить, – говорит он и тянется к поясу.

– Ну валяй, – рычит в ответ Майкл. Он встает и разводит руки в стороны, становясь более удобной мишенью. – Давай же! Мне похер. Закончи мое жалкое существование, – прыскает он раздраженно. Он заронил в душе парня страх, будто сам пошел на него с оружием. – Нельзя убить того, кто и так внутри умер, – шепчет Майкл. – Смотри... – тянется к носку, – вот пятьсот долларов, забирай и верни мой кошелек. С картами ты все равно ничего не сделаешь, они вам бесполезны. А мне очень нужен этот кошелек.

Парень открывает кошелек, но ничего ценного не находит.

– Ты точно псих. Тут ничего, кроме какой-то мелочи.

¹⁴ Плавный переход от более длинных волос к коротким.

Издали приближается какой-то шум. Парень швыряет в Майкла кошелек и выхватывает банкноты. Он бежит к машине, забирается внутрь, заводит и уезжает, скрипя шинами, оставляя своих жертв в темной холодной ночи. Сара смотрит на Майкла в ступоре.

Майкл ложится и глядит в потолок. Вокруг темно. Они добрались домой лишь несколько часов спустя, но бессонница пробрала его до мозга костей, забралась под кожу и не дает спать. Сара спит на диване в гостиной, в их арендованной квартире. Она и слова ему не сказала и едва взглянула на него. Когда они вернулись, она легла и сразу уснула. Майкл немного понаблюдал за ней, думая, что у нее на уме, а затем ушел в спальню. Здесь спокойно. Издали доносится эхо поездов; интересно, приезжают они или отъезжают. Сон не приходит. Майкл погружается в мысли.

Неужели нет выхода? Из собственного сознания? Из этой тюрьмы, этого ада, этого чистилища – этой свалки из ничего? Где ничто не живет, ничто не дышит. Если подумать, единственный способ выбраться из сознания – это выбраться из тела. А я ни телом, ни разумом больше не боюсь уничтожения. Не боюсь смерти. Я сам иду, даже бегу к ней. Пусть все мое существо канет в небытие, распадется и покинет этот мир. Как пыль, сдуваемая ветром, как буря, торнадо, ураган. Слушайте меня. Я хочу смерти, но говорю так, будто не желаю умирать, а жажду жить, и смерть – единственный известный мне способ.

Скрип деревянного пола привлекает внимание Майкла. Взгляд застыл, открыты глаза или закрыты – вокруг все та же темнота. Движение происходит тихо и мерно, как в библиотеке или храме, это Сара. Матрас немного промялся под ее весом.

Она не колеблется, ложится рядом. Майкл чувствует прикосновение ее кожи. Его слегка трясет. Некоторое время они оба молчат.

– Ты спишь? – спрашивает она шепотом. Майкл мотает головой. Она поворачивает голову, пытается отыскать его лицо в темноте.

– Что с тобой, Майкл? Что это было, на дороге?

Майкл устало вздыхает.

– Ты ведь совершенно не обязан.

– Обязан что?

– Геройствовать.

– Я и не геройствовал.

– А что это тогда было? Из-за тебя нас могли убить.

– Меня могли убить.

– Но зачем тебе это, Майкл? Зачем? Это же не игра.

– Потому что я хочу.

– Ты хочешь...

– Да, я хочу умереть. Мне плевать на свою жизнь и на этот мир.

– Ой, Майкл... – произнесла она разбито.

– Будет лучше, если меня не станет.

Она придвинулась и обняла его крепко-крепко. словно могла вдохнуть в него частичку своей жизненной энергии. Майкл не шевельнулся.

– Я рассказываю тебе это только потому, что плохо тебя знаю. А после вообще знать не буду, – говорит он.

– Но мы можем...

– Нет, не в этом дело.

– А в чем тогда?

– Не знаю. Я просто пытаюсь жить, прочувствовать последние моменты своей жизни, пока не... – Он прерывается и делает очередной тяжелый вздох.

Сара наклоняется и целует его. Губы нежно касаются его щеки. Она гладит его, исследуя пальцами мягкую кожу. Он прерывает ее.

– Я не могу. У меня уже какое-то время не получается... с этим. Понимаешь, я всегда старался держаться в стороне от людей, на расстоянии вытянутой руки, никому не открывался, не доверял. Не потому, что боюсь собственных чувств, боли или уязвимости, а потому, что глубоко в душе я всегда хотел умереть и просто хотел оградить знакомых от страдания из-за моей смерти.

Сара молчит, но ему ясно, что она плачет. Они лежат без сна, обнимая друг друга, за окном начинает светать. *Это было ошибкой. Нельзя подпускать людей так близко. Никто больше не должен узнать. Это лишь множит боль, а я слишком часто страдаю за других, как за себя. Не важно, насколько сильно мне хочется близости, прикосновений и объятий, в этом мире я буду жить так же, как и уйду – в одиночестве.*

Завтра они полетят обратно, в молчании, словно скорбя. И будут задавать друг другу самые глупые вопросы: ты все собрал, такси подъехало, ты голодная, можно мне у окна сесть? Они вернуться к привычной жизни, к своей относительной безвестности. В аэропорту, выйдя из самолета, они обнимутся на прощание и разойдутся незнакомцами.

\$6 621

Глава 10

Академия Грейс Харт, Лондон; 10.23

Вы любили когда-нибудь всем своим существом, даже осознавая неизбежный конец этой любви?

Кристель появилась, как речная волна, как последний шанс, как несущая жизнь: она вдохнула в меня энергию. Точно помню момент, когда увидел ее и понял, что хочу смотреть на нее до конца своих дней или пока не ослепну, смотря что случится раньше. Она всегда держалась приподнято, словно предмет на витрине. Выставочный экспонат или священная гробница. Все началось, как часто бывает, с переписки: я пытался быть остроумным, она отвечала тем же, и сообщений не приходилось ждать долго. Затем мы перешли к звонкам. Я заметил, что она говорит с акцентом, в котором сочетаются разные частички мира, который она называла своим домом. Мне хотелось знать ее маршрут, приехала ли она уже, можем ли мы встретиться. Мы болтали часами, зачастую пока наш разговор не превращался в мерное дыхание в трубку.

Впервые мы встретились у реки. Я приехал на полчаса раньше – успокоить нервы. Получилось, но только пока не появилась она. Тогда нервы натянулись и лопнули, словно по венам пустили фейерверк. Мы затерялись в толпе, но были одни в своем новом, только что открытом мирке. Зашли в книжный магазин и создали себе убежище, куда оба могли спрятаться. Она любила книги не так, как я – они возвращали ее в мир, а мне помогали от него скрыться. Как горели ее глаза, как искрились в уголках, когда она рассказывала про свою любимую книгу «Маленький принц»! Я не читал, но уже любил ее, потому что если эта книга подарила Кристель ее внутренний свет, то она достойна того, чтобы мне нравиться. Я хотел быть для нее такой книгой, хотел заставить ее светиться.

Мы сели ужинать друг напротив друга. Я не отрывался от космоса ее глаз, она была подобна распускающемуся цветку. Мы говорили обо всем: об искусстве, культуре, музыке, культурных традициях, о будущем и нашем месте в нем. Буйное эхо смеющихся гостей отошло на второй план, а мы остались покачиваться на волнах нашего спокойствия. Мы гуляли вдоль реки, по освещенной тусклыми фонарями набережной, под романсы уличного музыканта. Дважды соприкоснулись руками: сначала случайно – и вспыхнула искорка, затем намеренно – и наши пальцы сплелись. Время остановилось, все вокруг замедлилось, а мы двигались со скоростью света. Я сказал, что хочу поцеловать ее. Она спросила, почему я так долго думал. Мы соприкоснулись губами, приятно, и устремились в другое измерение. Тела невесомы, мы парим в космосе.

С ней жизнь была полна надежд. Мы часами лежали в объятиях друг друга, в тишине, пустив друг друга в свои маленькие миры. Помню, как впервые увидел ее слезы. Не от грусти, скорби или подавленности. А потому, что я произнес то, что она так мечтала услышать. Мы сидели в свете полной луны, она обвила меня руками, и я понял: все. Это она. Она сняла вес с моих плеч, и они разжались, как пружинки. Ее касание избавило мое тело от этого веса, от этой тяжести. Это она. Я точно знал. Ее руки, кожа, дыхание во время сна и слегка приподнятое левое веко, будто она смотрит на меня, ее «где ты пропал?», «я просто соскучилась, вот и все», ее страхи и самые безумные мечты, которые я нес, как крест или же крылья. Это и есть любовь – нести бремя, но быть невесомым, быть связанным узами и в то же время быть свободным.

Друзья потихоньку начали догадываться о нас, о причинах моей скрытности и занятости; о том, почему мое время больше мне не принадлежало, а я был этому только рад. Я изощрялся упоминать ее в не относившихся к ней разговорах. Превратился в презираемых мной же людей: романтиков, воркующих голубков, безумцев, помешанных. Если любовь – это поле, то романтика – дождь, помогающий цветам расти.

Я думал, когда же смогу представить ее Мами. Она была бы первой, кого я с ней познакомил бы. И единственной. Мами говорила: приведи домой девушку из твоей страны, чтобы вы смогли вернуться туда вместе. Но как сказать своей матери, что у меня нет страны? Что я человек без границ и толком не помню ни откуда я пришел, ни куда иду. Я дорога, путь, путешествие – без места и без дома. Мое место нигде и везде. Но Кристель все изменила. Ноги устают, душа изматывается. С ней я отдыхал. Когда они познакомились, мама это почувствовала. Она увидела во мне перемену, которая ей понравилась. Все сложилось: наш путь, наше путешествие; но долго оно не продлилось.

Сущностная черта несчастья в том, что ты не замечаешь его приближения. Несчастье подбирается к тебе тенью в густом мраке, во всепоглощающей ночи, как смерть. Нас развело то же самое, что и свело: вера – моя в нее, ее в бога. Да, я восхищался ею до поклонения. Стоял на коленях, сложив ладони и прикрыв глаза, молился богу с ее лицом, чтобы она осталась со мной навсегда. Казалось, молитвы мои были услышаны, но день, когда она ушла, налетел подобно летнему шторму. Мы ужинали. Как всегда, в воздухе витало что-то таинственное, волшебство ее присутствия. А в конце она самым будничным тоном – будто говорила о погоде или спросила время – сказала, что уходит от меня. Это было стремительное падение, слом, которого я не предвидел.

Я молил и стонал; гордость с достоинством не помешали мне пасть на колени. Но хороша ли молитва, которую не слышат? Она ведь думала о расставании до того, как сказала мне, что уходит. Может, думала о нем, когда мы целовались, держались за руки или спали друг с другом. В конце концов, уходят все, даже мы сами. Она заронила семена непостоянства в поле бесконечности. При расставании кажется, что ты больше не сможешь никого полюбить, что ты не достоин любви.

Тем вечером я вернулся домой и лег, не включая света, в темноте. Я утопал в ней, я рыдал. Думал о смерти. О том, каково просто перестать существовать, умереть без смерти. Без скорби, без поминок, без похоронной процессии и погребения. Это действие должно пройти в душевной тишине. Раствориться в эфире, будучи стертым из вечной памяти земли, чтобы все места, где я когда-либо был, заполнились пустотой, вакуумом. Я хотел, желал, жаждал этого – этой пустоты, словно той упущенной любви. И это, казалось бы, прошедшее чувство вновь вернулось. На самом деле оно всегда было со мной, но дремало в ожидании. Я понял, что не впервые чувствую его. Оно росло во мне с самого детства, незаметное, как пыль в комнате, влага в особняке, тысяча паучков, ползущих по коже. Я умер той ночью, как умирал многими ночами до и после этого. Душа моя склонна к одиночеству. Не все ищут любви: кому-то нужен покой, кому-то мир. Я постепенно отдалился от близких мне людей и вернулся в прежний покой. Покой, которого так жаждал.

Грезы мои развеялись, взгляд сфокусировался на учениках с опущенными головами, усердно пишущими в своих тетрадах. Интересно, сколько я витал в облаках; каждый раз кажется длиннее предыдущего. Несколько ребят подняли головы, но, встретив мой отсутствующий взгляд, вернулись к своим работам, в частности, так сделал Джасвиндер. Он и полминуты не мог усидеть спокойно. Ему нравилось всех веселить; нельзя не заметить, как тужится его маленький мозг в попытках выдать очередную шутку. Я завидовал его умению меняться и подстраиваться. Хулиган и заучка – потрясающий пример дуализма. Он, конечно же, не знал об этом, просто застрял между давлением со стороны сверстников и ожиданиями родителей. В школе носил джинсы пониже, но натягивал их обратно задолго до прихода домой. Однажды я видел Джасвиндера с его мамой в местном продуктовом. Это была миниатюрная женщина, которую он уже перерос, а потому выглядел старше своих лет. Он увидел меня и попытался тут же скрыть удивление. На нем, как и на матери, было традиционное одеяние. Не знаю, уходили они или только пришли, но по Джасвиндеру стало понятно, что я увидел ту сторону его жизни,

которую он еще не был готов показать миру. Словно его тайну, секретную личность раскрыли, и ему еще не ясно, хорошо это или плохо. Я улыбнулся им и вернулся к покупкам. С того момента он был осторожен и не показывался в таком виде. Парень оторвался от контрольной, я удивленно поймал его взгляд. Он тут же вернулся к тесту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.